

месяца фримера продолжал относиться одобрительно к антирелигиозному движению¹. Еще 14 фримера (4 декабря) робеспьерист Кутон принес в Конвент некоторые мощи и с насмешкой говорил о них.

Является поэтому вопрос, не воспользовался ли Робеспьер каким-нибудь новым оборотом, принятым дипломатическими переговорами с Англией, чтобы повлиять на Дантона и с его поддержкой смело высказаться о необходимости религии в том смысле, который всегда был ему дорог как деисту и последователю Руссо.

В середине фримера Робеспьер, пользуясь поддержкой Дантона, решился уже действовать, и 16 (6 декабря) он потребовал от Комитета общественного спасения декрета о свободе богослужения, первый параграф которого запрещал «всякое насилие и всякую меру, противную свободе вероисповеданий». Весьма вероятно, что эта мера была вызвана боязнью восстаний в деревнях, так как закрытие церквей было принято крестьянами очень враждебно². Во всяком случае с того дня католицизм возторжествовал. Все поняли, что Робеспьер взял его под свое покровительство. Католицизм снова становился государственной церковью³.

Пока этим дело ограничилось. Но весной Комитет общественного спасения под влиянием Робеспьера попробовал выставить против религии разума религию верховного существа, задуманную на началах, высказанных Руссо в его «Савойском священнике». Однако же эта религия, несмотря на поддержку правительства и на угрозу гильотины для ее противников, все время смешивалась, говорит Олар, с религией разума, даже когда ее обряды назывались культом верховного существа. Под этим последним именем культ, наполовину деистский и наполовину рационалистический, продолжал распространяться до тех пор, пока термидорская реакция не положила ему конец.

Что касается праздника верховного существа, который отпраздновали в блестящей, но казенной обстановке в Париже 2 прериаля (8 июня 1794 г.) и которому приписывал большое значение Робеспьер, вообразивший себя основателем новой государственной религии, борющейся против безбожия, то праздник был, по-видимому, очень красив как народное театральное представление, но он не нашел отклика в сердцах народа. Впрочем, так как праздновали его по воле Комитета общественного спасения вскоре после того, как Шометт и Гобель, симпатичные народной массе, погибли на эшафоте за свое неверие, весь этот праздник имел характер кровавого торжества якобинского правительства над крайними элементами. Поэтому он не мог возбудить симпатии в массах. А открытое проявление враждебности против Робеспьера со стороны некоторых членов Конвента, выраженное ими во время самого празднества, сделало из него преддверие переворота 9 термидора. Праздник верховного существа был прелюдией конца революции. Но не станем забегать вперед.

LXIII РАЗЛОЖЕНИЕ СЕКЦИЙ

Две враждебные силы стояли друг против друга в конце 1793 г.: Комитеты общественного спасения и общественной безопасности, которым подчинялся Конвент, и Парижская коммуна. Настоящая сила Коммуны была, впрочем, не в отдельных людях, как бы они ни были популярны: не в ее мэре Паше, не в ее прокуроре Шометте или его помощнике Эбере, ни даже в ее Генеральном совете. Ее сила была в секциях. Вследствие чего центральное правительство и направило свои усилия к тому, чтобы секции подчинить своей власти.

Когда Конвент отнял у секций право самим созывать свои общие собрания по мере надобности, они начали создавать «народные общества», или «секционные общества». Но к этим обществам отнеслись очень недружелюбно якобинцы, которые становились вполне людьми правительственными; а потому в конце 1793 и в начале 1794 г. в Клубе якобинцев много говорилось против народных и секционных обществ, тем более что роялисты в то время делали усилия, чтобы овладеть ими. «Из

¹ Ср.: Олар А. Политическая история Французской революции.

² Некоторые письма комиссаров Конвента определенно говорят об этом. Однако большая часть из них, как, например, письма Дартигойта, Лефьо, Пфлигера и Гарнье, была написана *после* опубликования этого декрета. Декрет едва ли был вызван ими (см. эти письма в кн.: *Recueil des actes du Comité de salut public*. Publ. par A. Aulard, v. 9, p. 385, 759, 780).

³ Так как некоторые комиссары Конвента приняли очень строгие меры против католического духовенства и против богослужения, то Конвент прибавил к декрету статью, в которой говорилось, что он не отменяет, однако, того, что до *сего дня* было сделано его комиссарами.